

всей парадигмой множественного числа этого глагола: *Мы едим; Вы едите; Они едят, но ешьте!* (повелительное наклонение).

В украинском языке атематическому глаголу *їсти* соответствуют следующие формы в повелительном наклонении:

2-е л. ед. ч. — *їж*
1-е л. мн. ч. — *їжмо*
2-е л. мн. ч. — *їжте*

Отметим, что в украинском языке есть, в отличие от русского, специфическая форма повелительного наклонения в 1-м лице мн. числа. Ср.:

Рус.: 1-е л. мн. ч. — *едим* — повелительное значение может придаваться лишь соответствующей интонацией.

Укр.: 1-е л. мн. ч. — *їмо/їжмо* — специфическая форма повелительного наклонения.

2-е лицо ед. ч. — и в русском, и в украинском языке формы повелительного наклонения и личные формы совпадают.

2-е лицо мн. ч. — и в русском, и в украинском языке существуют различные формы повелительного наклонения и параллельно личные формы.

Таким образом, в обоих языках формы множественного числа противостоят формам единственного числа по способности образовывать во множественном числе два ряда форм — собственно личных и личных форм повелительного наклонения во 2-м лице мн. числа. В украинском языке, кроме того, формы множественного числа противостоят формам единственного числа и в 1-м лице.

В обоих языках повелительное наклонение оказывается более сильным в формах множественного числа.

В украинском языке формы повелительного наклонения являются для части глаголов (например, *єсть // їсти*) более дифференцированными и развитыми сравнительно с русским языком.

VIII. КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Категория залога в восточнославянских языках принадлежит к числу наиболее сложных глагольных категорий. Она формируется в результате взаимодействия категорий актива/пассива, возвратности/невозвратности, переходности/непереходности.

Категория залога отображает соотношение действия и основных принимающих в нем участие приглагольных членов (субъек-

та и объекта). Эти соотношения могут выражать направленность действия на субъект или ограничение направленности действия и изменение ролей приглагольных членов.

В “Русской грамматике”¹ дается следующее определение категории залога: “Залог — это категория, образуемая противопоставлением таких рядов морфологических форм, значения которых отличаются друг от друга разным представлением одного и того же соотношения между семантическим субъектом, действием и семантическим объектом. Различия заключаются в разной направленности глагольного признака по отношению к его носителю, выраженному подлежащим”.

Категория залога по-разному интерпретировалась как в русской, так и в украинской лингвистической традиции.

История учения о залоге изложена в работе В. Виноградова “Русский язык”². Ввиду того, что категория залога в русском языке вырастает на пересечении значений переходности, возвратности, обусловлена семантикой глагола и синтаксической моделью, концептуальная картина залога отличается противоречивостью, причем не только в плане историческом, но и на современном этапе. По замечанию В. Виноградова, “клубок грамматических вопросов, связанных с учением о залоге”, сформировался к концу XIX в. Развивая образ, можем сказать, что из этого клубка по-прежнему торчит несколько нитей, и все так же трудно определить основную.

Идея залога была воспринята русскими грамматистами из греко-римской традиции в трехчленном варианте: действительный, страдательный, средний. Однако уже к концу XIX в. их насчитывалось шесть: действительный, страдательный, средний, возвратный, взаимный и общий, — которые выделялись на основе лексико-синтаксических параметров. А. Шахматов, опираясь на морфологические признаки, “возвращается” к трехчленной концепции: действительный (действие проистекает от субъекта), страдательный (действие переходит на субъект-подлежащее с другого субъекта), средний, или возвратный (действительный глагол, изменивший свое отношение к субъекту путем присоединения постфикса -ся). Позже ученый расширил рамки действительного залога, включив в него не только прямо-переходные, но и косвенно-переходные и непереходные глаголы. Именно из шахматовс-

¹ Русская грамматика. — М., 1980. — С. 613.

² Виноградов В.В. Русский язык. — М., 1972. — С. 476—494.

кой концепции, переосмысленной В. Виноградовым, выросла современная трехчленная теория залога; в поздней широкой трактовке действительного залога видны ростки двучленной теории.

Современные концепции залога различаются интерпретацией значения залоговости, а отсюда — количеством форм залога, характером их оппозиций, охватом глагольной лексики ¹.

Поскольку при глаголе имеется два члена, залоговость может определяться либо путем обращения к обоим — субъекту и объекту (А. Шахматов, А. Потебня, В. Виноградов), либо только к одному — подлежащему как логическому субъекту ². Объект-дополнение не может быть идентификатором, поскольку легко опускается: *Окно открыли. Окно открыто* (логический субъект окно является здесь пациенсом, логический объект — агенс опущен). Если в качестве исходного принимается значение переходности в его связи с возвратностью и в отношении к субъекту и объекту, структурируется трехчленная система залогов: действительный — действие субъекта переходит на прямой объект (прямо-переходные глаголы); страдательный — объект-подлежащее испытывает воздействие субъекта-дополнения (глаголы с постфиксом *-ся*, образованные от переходных, страдательные причастия); возвратный, или средневозвратный, — действие замыкается на подлежащем (возвратные глаголы). Эта классификация исключает из поля залоговых отношений непереходные глаголы без *-ся* и образованные от них глаголы с постфиксом *-ся*, глаголы с *-ся*, не имеющие соответствующих основ без *-ся*, а также разошедшиеся с производными переходными основами по значению ³.

Если в качестве исходного принимается значение переходности в его отношении к субъекту и объекту, языковая база категории резко сужается, структурируя два залога, противопоставленных достаточно регулярными рядами форм: действительный (прямо-переходные глаголы) и страдательный (страдательные причастия и отпереходные глаголы с *-ся*). Весь оставшийся массив глаголов оказывается вне залога. Эта концепция именуется “залогом в узком понимании” ⁴.

И наконец, если в определении залоговости ключевую роль играет отношение действия к синтаксическому субъекту, катего-

¹ Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — С. 160.

² Милославский И.Т. Русская грамматика. — М., 1981.

³ Тихонов А.Н. Русский глагол: проблемы теории и лексикографирования. — М., 1998. — 280 с.

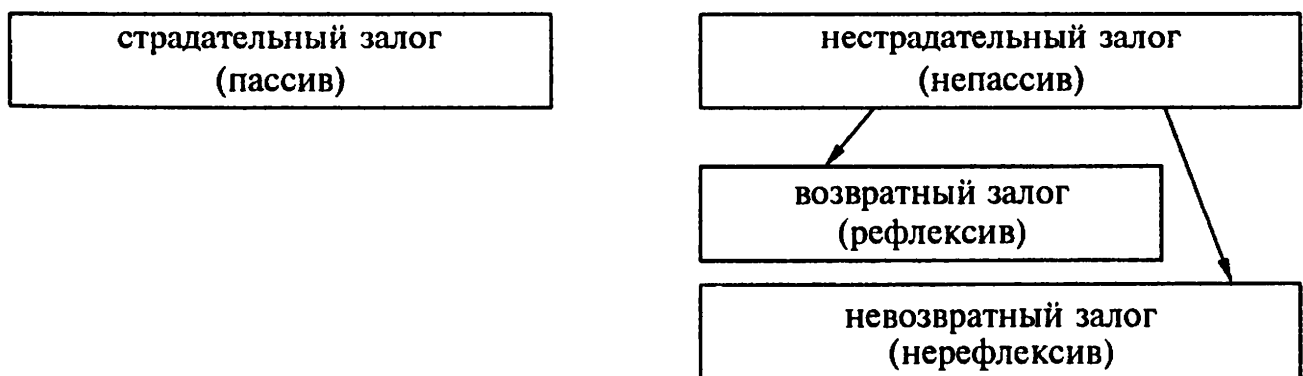
⁴ Сучасна українська літературна мова: Морфологія. — С. 399—408.

рия залога приобретает тотальный характер. Залог — это морфологическая категория, отражающая способность глагола сочетаться с подлежащим как с объектом действия. Эта категория может принимать два значения: действительное и страдательное¹. Если подлежащее выступает объектом действия, глагол-предикат имеет страдательное значение, если нет — действительное².

Глагольная лексика русского и украинского языков может быть интерпретирована в рамках любой из этих концепций. Однако представляется, что для целей нашего исследования наиболее плодотворным является функциональный подход, представленный в теории поля А. Бондарко³ и перекликающийся с концепцией, разработанной пражской “Русской грамматикой”⁴. Ядро поля составляет оппозиция: актив/пассив. Морфологическим ядром актива являются невозвратные глаголы, пассива — страдательные причастия. На периферии находится оппозиция по линии возвратности/невозвратности, переходности/непереходности.

В “Русской грамматике”⁵ выделяется залог в узком смысле слова, то есть противопоставление пассива и непассива, и залог в широком смысле, то есть противопоставление рефлексива и нерефлексива. Иерархия залоговых категорий приобретает следующий вид:

Горизонтальный ряд оппозиций составляет ядро категории. Собственно залоговые категории пересекаются с лексико-синтаксической категорией переходности/непереходности; объем переходных глаголов задает объем ядра залоговых оппозиций. Упорядочение залоговых категорий имеет асимметричный характер:

¹ Милославский И. Русский язык. — М., 1981. — С. 183—184.

² Русская грамматика. — М., 1980. — С. 613.

³ Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. — Л., 1976.

⁴ Русская грамматика. — Прага, 1979.

⁵ Там же. — С. 267—270.

Ряд	1	2	3
А	пассив: <i>умыт // умитий</i>	непассив нерефлексив: <i>умывает // умиває</i>	непассив рефлексив: <i>умывается // умивається</i>
Б	—	непассив нерефлексив: <i>белеет // біліє</i>	непассив рефлексив: <i>белеется // біліється</i>
В	—	непассив нерефлексив: <i>сапожничает // чоботарює</i>	—
Г	—	—	непассив рефлексив: <i>борется, несется // бо- реться, несеться</i>

Ряд А составляют глаголы, соотносительные по категориям переходности, пассива и возвратности: это действительные глаголы (2 А), от которых образуются пассивные причастия (1 А), непассивные (или действительные в другой терминологии) возвратные глаголы (3 А). В этом ряду в позиции 1 А могут быть глаголы, образованные от 2 А при помощи *-ся*, так называемый возвратный пассив. Напр: *текст изучается, слова разбиваются на морфемы, морфемы сопоставляются, подсчитываются // питания обговариваются, проблемы ставятся, умови узгоджуються* и т. д.

Все остальные ряды составляют непереходные глаголы, так называемые *nonpassiva tantum*, то есть действительные глаголы, не имеющие пассивного соответствия. При этом действительные глаголы могут быть противопоставлены по линии возвратности (2 Б/3 Б), а могут составлять тип *irreflexiva tantum* (2 В) или *reflexiva tantum* (3 Г). В группу *reflexiva tantum* входят не только глаголы, которые без *-ся* не употребляются, но и глаголы, разошедшиеся с исходной основой по значению (*нести ведро — нестись*).

Приведенная система залоговых категорий позволяет рассмотреть весь массив языковых единиц, так или иначе характеризующих действие с точки зрения соотношения логического субъекта и агенса. В рамках данного подхода категория залога характеризуется следующими признаками:

1. Категория залога — это глагольная категория, отражающая способность глагола сочетаться с подлежащим в роли пациенса.

2. Категория залога охватывает все глаголы. Внезалоговых глаголов нет.

3. Категорию залога формируют значения актива/пассива, рефлексива/нерефлексива.

4. Ядром категории залога являются формы актива/пассива, организуемые в оппозицию на базе прямо-переходных глаголов.

5. Образование залоговых форм зависит от переходности и вида исходного глагола, от склонения, времени, косвенно — от рода и числа.

6. Система залоговых противопоставлений отличается асимметрией, что обусловлено дефектностью глагольной парадигмы и нерегулярностью словообразования.

7. С точки зрения объема значительный перевес имеют немаркированные члены оппозиции, то есть формы действительного (нестрадательного) залога.

8. Значение залога выражается в языке морфологическими, синтаксическими и лексическими средствами.

9. Реализация залоговых значений зависит также от категории персональности/имперсональности.

Основным носителем залогового значения является глагольное слово, как средоточие лексического и морфологического значений и синтаксической валентности. С этой точки зрения глагольная лексика русского и украинского языков может быть разбита на несколько групп.

1. Прямо-переходные глаголы, образующие формы причастий (страдательных), страдательные глаголы с постфиксом *-ся*, а в украинском языке и предикативные формы на *-но (-ено), -то*. Ср.:

Рус. *нумеровать* — *нумерованный* — *нумероваться*;
подвергнуть — *подвергнутый* — *подвергнуться*;
ампутировать — *ампутированный* — *ампутироваться*;
анализировать — *анализируемый* — *анализироваться*;
прослушать — *прослушанный* — *прослушаться*;

Укр. *ангажувати* — *ангажований* — *ангажовано* — *ангажуватися*;
атакувати — *атакований* — *атаковано* — *атакуватися*;
вистіювати — *вистіюваний* — *вистіювано* — *вистіюватися*;
в'ялити — *в'ялений* — *в'ялено* — *в'ялитися*;
скосити — *скошений* — *скошено* — *скоситися*.

В русском и украинском языках существует так называемый возвратный пассив, который трактуется в грамматиках то как форма, то как новое слово. Здесь рассматривается возвратный пассив как форма, поскольку он вступает в оппозицию с исходным переходным глаголом только по признаку залога¹.

¹ Сучасна українська літературна мова. — С. 336; Русская грамматика. — Прага, 1979. — С. 286.

2. Переходные глаголы, не образующие регулярных страдательных форм: *повыбивать, жалеть, потеть, лизнуть, щадить, громоздить, спрашивать, наруководить, метать*¹ // *думати, жаліти, хотіти, любити, спасати, мислити, розуміти, ждати, зазнавати, терпіти*².

3. Непереходные глаголы с формально невыраженной непереходностью, *irreflexiva tantum*: *лежать, сидеть, страдать, ходить, сапожничать, батрачить, закипеть, заблестеть, накалить, надерзить* // *спати, лежати, бігти, забігти, ходити, заблищати, накричати, горіти, наймитувати*.

4. Непереходные глаголы без *-ся* с основообразующими аффиксами *-е-*, *-ну-* и значением выявления признака: *белеть* (ср. *белить*), *темнеть* (ср. *темнить*), *сохнуть* (ср. *сушить*), *чернеть* (ср. *чернить*) // *біліти* (ср. *білити*), *темніти* (ср. *темнити*), *сохнути* (ср. *сушити*), *чорніти* (ср. *чорнити*).

5. Непереходные глаголы, образованные от переходных при помощи аффикса *-ся* и получившие возвратное значение, в трехчленной концепции залога “средневозвратные”: *одеваться, успокаиваться, веселиться, уложиться, ругаться, обниматься, бодаться, мучиться* // *одягатися, умиватися, лаятися, хвилюватися, цілуватися, чіплятися, веселитися, будуватися*.

6. Возвратные глаголы, образованные от непереходных невозвратных: *белеться, плакаться, чернеться, стучаться, смотреться* (в зеркало), *хвастаться* // *чорнітися, білітися, темнітися, стукатися, грюкатися, бризкатися, гепнутися, силкуватися*.

7. Возвратные глаголы, которые без *-ся* не употребляются, *reflexiva tantum*: *бороться, бояться, глумиться, здороваться, каяться, нравиться, улыбаться, надеяться, кланяться* // *боротися, боятися, глумитися, каятися, подобатися, насміхатися, сміятися, вклонятися, сумніватися*.

8. Возвратные глаголы, которые разошлись по значению с исходными невозвратными основами: *нести — нестись, прощать — прощаться, бросать — бросаться, метать — метаться, сказать — сказаться, водить — водиться, забыть — забыться* // *прощати — прощатися, кинути — кинутися, в'язати — в'язатися, молити — молитися, просити — проситися, брати — братися, тягти — тягтися*.

9. Возвратные глаголы префиксально-постфиксального образования: *разгуляться, задуматься, нагуляться, перекликаться, добегаться, истосковаться, выгуляться* // *замислитися, наїстися, пе-*

¹ Зализняк А. Грамматический словарь русского языка. — 2-е изд. — М., 1980.

² Сучасна українська літературна мова. — С: 332, 405.

регукуватися, догулятися, запрацюватися, розлягтися, розласуватися.

10. Возвратные безличные глаголы: *работается, спится, не сидится, хочется, думается, читается, дышится, смеркается // спиться, не лежаться, думается, працюється, не ждється, не терпиться, дихається, ведеться (добре), смеркається.*

11. Безличные невозвратные: *тошнит, мутит, лихорадит, вечереет, смеркает, светает // смеркає, темніє, вечоріє, світає, знудило, лихоманить, трусить.*

12. Некоторые ученые выделяют глаголы *passiva tantum*: *казаться — показаться, чудиться — почудиться, нравиться — понравиться, снится — присниться*¹. Подобные глаголы есть и в украинском языке: *здаватися — здатися, увижатися — привиджуватися — привидитись, подобатись — сподобатись, снитись — приснитись — наснитись.*

Например, страдательное значение усматривается на основе синонимизации двух последних конструкций в следующих предложениях:

- а) *Татьяна видит сон* (действительный залог);
- б) *Татьяне видится сон* (страдательный);
- в) *Татьяне снится сон* (тоже страдательный).

В последней конструкции форме именительного падежа приписывается значение семантического объекта — пациенса, следовательно семантическим субъектом оказывается Татьяна. На наш взгляд, Татьяна не может быть агенсом действия, поскольку сон ей навязывается, он появляется помимо ее воли. Заметим, что все глаголы имеют подобную семантику: *нравиться, чудиться*, — “я не хочу, но оно охватывает меня”. В “Русской грамматике”² глаголы с подобной семантикой в конструкции с дательным падежом называются средне-пассивным (напр.: *Какой сон мне виделся!; Вспомнилась Жаннетта*). Глаголы модифицируют состояние пассивного субъекта действия *мне* (пропущенный дательный). Это довольно туманное объяснение: “пассивный субъект” и “источник” является, скорее, всегда сигналом нерасчлененности направления агенса и пациенса: с одной стороны, это Татьяна воспринимает, и она субъект, а сон — объект, но с другой — сон снится, он сам является Татьяне, и тут он тоже субъект, а Татьяна объект.

¹ Современный русский язык. — М., 1981. — С. 323.

² Русская грамматика. — Прага, 1979. — С. 289.

Категория залога находится в обоих языках в системе сложных отношений с категориями вида, наклонения, времени, лица (рода, числа), будучи зависимой от них в формообразовании и определяя семантическую функцию.

Категория вида обуславливает образование страдательных форм: от совершенного вида образуются по преимуществу страдательные причастия, от несовершенного — страдательные формы на *-ся*: *дом построен рабочими — дом строился рабочими // дiм побудований робiтниками — дiм будувався робiтниками*.

Вместе с тем именно залоговая форма страдательного причастия способна выразить видовое значение перфектности.

Формы действительного залога возможны во всех трех наклонениях: действительном, сослагательном и повелительном; страдательного — только в действительном и сослагательном. Ср.:

Рус. <i>написал письмо</i>	— <i>написал бы письмо</i>	— <i>напиши письмо</i> ;
Укр. <i>написав листа</i>	— <i>написав би листа</i>	— <i>напиши листа</i> ;
Рус. <i>письмо написано</i>	— <i>письмо было бы написано</i>	— ;
Укр. <i>лист написаний</i>	— <i>лист був би написаний</i>	— .

Описательные формы повелительного пассива редки: *будьте любимы, прокляты, читаемы // будьте прокляті, бажані, люблені*.

Связь категории залога и времени проявляется в образовании форм причастий (настоящего и прошедшего времени), а также в разновидностях значения времени: действительный залог прошедшего времени совершенного вида функционирует чаще в аористическом значении (*я приехал и уехал, написал и порвал, прочитал и забыл*), страдательные причастия представляют перфектность: *письмо написано, книга прочитана // листа написано, книжку прочитано*.

Находясь в тесных связях с категорией персональности (более подробно см. ниже), залог вступает в косвенные отношения с числом и родом, поскольку безличные глаголы имеют формальные показатели единственного числа и среднего рода: *мне нездоровится, светало*.

Таким образом, категория залога в русском и украинском языках имеет общее содержание, сходную структуру внутризалоговых оппозиций, сходный языковой материал (лексико-грамматические типы глагола). Отличия, следовательно, касаются специфики формообразования, периферии категорий переходности и возвратности, типичности синтаксических конструкций и функционирования.

2. КАТЕГОРИЯ ПЕРЕХОДНОСТИ/ НЕПЕРЕХОДНОСТИ

Категория переходности/непереходности (или транзитива/интранзитива) является лексико-синтаксической категорией¹. Переходность/непереходность проявляется в способности обозначать признак самостоятельно (интранзитивно) или в объединении с прямым объектом (транзитивно). То есть переходность/непереходность заключается в лексическом значении слова, но выявляется в синтаксической конструкции, маркируется ею.

Связь категории переходности/непереходности с морфологией состоит в том, что она, как было сказано выше, составляет основу для формирования ядра залоговой категории, или категории залога в узком понимании. Кроме того, категория непереходности может иметь морфемные маркеры (-ся).

Категория переходности/непереходности свойственна в русском и украинском языках глаголам, причастиям, деепричастиям, инфинитиву.

Показателем переходности в обоих языках выступает прямой объект в форме:

- винительного падежа без предлога: *читать книгу, строить дом, жечь дрова, представлять море // читати книгу, будувати будинок, палити дрова, уявляти море;*
- родительного падежа при отрицании: *не читать книг, не просить хлеба, не рвать цветов // не читати книжок, не просити хліба, не рвати квітів;*
- родительного падежа при отдельных глаголах: *жаждать славы, ждать письма, просить милостыни, желать счастья, хотеть любви² // бажати здоров'я, хотіти слави, чекати листа, зичити добра³.*

Русская грамматика⁴ трактует как переходные также глаголы с префиксом *на-* и значением кумулятивности: *накупить, нарвать, наварить, настрелять, насочинить, народить, натаскать*, управляющие родительным или винительным падежом. Подоб-

¹ Русанівський В. Структура українського дієслова. — К., 1971. — С. 211; Русская грамматика. — Прага, 1979. — С. 268.

² Русский язык: Энциклопедия. — М., 1979. — С. 208.

³ Русанівський В. Зазн. праця. — С. 213.

⁴ Русская грамматика. — М., 1980. — С. 362.

ная словообразовательная модель активна и в украинском языке: *натягати води, нарвати квітів, накупляти стрічок, настріляти качок, наварити вареників, налити вина*¹.

Иногда глаголы последнего типа относят к так называемым косвенно-переходным глаголам (невозвратным и возвратным), которые жестко управляют именем в косвенном падеже (*верить другу, надеяться на друга, гордиться другом*).

Если переходный глагол способен употребляться без прямого объекта, его семантика модифицируется в направлении процессуальности, например: *мальчик рисует дом* (перех.); *мальчик рисует* — “процесс” (неперех.); *мальчик рисует уже хорошо* — “способность” (неперех.) // *дівчинка співає пісню* (перех.); *дівчинка співає* (неперех.); *дівчинка співає гарно* — “способность” (неперех.)

При квалификации переходности/непереходности следует иметь в виду, что форма винительного падежа может и не выражать прямого объекта, следовательно, глагол не имеет при нем значения переходности²: *писать неделю, работать целый день* // *писати годину, працювати весь день*.

Непереходные глаголы синтаксически не маркированы — они определяются по отсутствию самого объекта (*лежать, сидеть* // *лежати, сидіти*). Вместе с тем в обоих языках имеются морфологически соотносительные пары с каузативными глаголами. Ср.:

Рус.		Укр.	
<i>белеть</i>	— <i>белить</i>	<i>веселити</i>	— <i>веселити</i>
<i>чернеть</i>	— <i>чернить</i>	<i>білити</i>	— <i>білити</i>
<i>сохнуть</i>	— <i>сушить</i>	<i>сохнути</i>	— <i>сушити</i>
<i>гаснуть</i>	— <i>гасить</i>	<i>нянькувати</i>	— <i>няньчити</i>
<i>багреть</i>	— <i>багрить</i>	<i>тухнути</i>	— <i>тушити</i>

Важнейшим показателем переходности является постфикс **-ся**. Присоединяясь к переходному глаголу, он делает его непереходным — страдательным или возвратным: *Мама умывает мальчика. — Мальчик умывается мамой. — Мальчик умывается* (сам).

От глаголов с постфиксом **-ся** могут быть образованы действительные причастия (*умывающийся, улыбавшийся*) с сохранением значения “возвратности”, а также “страдательности” (*читаться — читающаяся книга*); **-ющ-** указывает на действительный залог, **-ся** — на страдательный, а потому форма *книга, читающаяся*

¹ Безпояско О., Городенська К., Русанівський В. Граматика української мови. — К., 1993. — С. 236.

² Русанівський В. Структура українського дієслова. — К., 1971. — С. 212—213.

мальчиком, синонимична форме *книга*, читаемая *мальчиком*. В украинском языке такие формы отсутствуют. Однако в том и другом случае прямого синтаксического объекта нет и глагол значение переходности теряет.

На этом основании постфикс *-ся* трактуется как абсолютный показатель непереходности. Представляется, что это не совсем так.

В украинском языке есть несколько переходных глаголов с постфиксом *-ся*: *сподіватися щастя*¹, *роздивлявся хустку* (*дівчину*), *обдивлявся місцевість* (ср. редкое *роздивляти* кого—що).

Переходность/непереходность глагола во многом обусловлена лексической семантикой, потому в обоих языках выделяются параллельные семантические группы. Так, значение переходности может быть обусловлено семантикой созидания или разрушения: *шить, рвать, строить, ломать, писать, стирать* // *шити, рвати, будувати, ламати, писати, витирати*.

Значение непереходности детерминируется семантикой положения, состояния, проявления признака, изменения состояния, рода занятия и т. п.: *лежать, болеть, белеть, худеть, слесарничать* // *лежати, хворіти, біліти, худіти, слюсарювати*.

Категория переходности/непереходности, являясь, по сути, лексико-синтаксической категорией, формирует пассив путем семантических сдвигов в процессе деривации.

Так, в русском и украинском языках непереходные глаголы образуются от переходных путем прибавления постфикса *-ся*, а переходные — от непереходных при помощи префиксов. Подобные преобразования глубоко затрагивают семантику глагола — в нем происходят не только модификационные сдвиги, но и мутационные. Ср.:

Рус.

<i>играть на скачках</i>	— <i>выиграть приз,</i>
<i>лежать</i>	— <i>отлежать руку,</i>
<i>работать</i>	— <i>заработать деньги,</i>
<i>спать</i>	— <i>проспать урок,</i>
<i>идти</i>	— <i>перейти дорогу,</i>
<i>стрелять</i>	— <i>прострелить руку,</i>
<i>судить</i>	— <i>обсудить урок;</i>

Укр.

<i>їсти</i>	— <i>з'їсти борщ,</i>
<i>їхати</i>	— <i>проїхати перехрестя.</i>

¹ Русанівський В. Зазн. праця. — С. 213.

Вместе с тем эти и другие префиксы широко модифицируют глагольное значение, не меняя транзитивной перспективы. Чаще всего это префиксы **на-**, **пере-**, **с-**, **при-**, **про-**, **раз-**; при этом наблюдается почти полное соответствие эквивалентов (при одинаковых корнях). Ср.:

Рус.		Укр.	
<i>греть</i>	— <i>подогреть</i>	<i>гріти</i>	— <i>підігріти</i>
<i>окать</i>	— <i>поокать</i>	<i>акати</i>	— <i>поакати</i>
<i>писать</i>	— <i>переписать</i>	<i>писати</i>	— <i>переписати</i>
<i>стоять</i>	— <i>перестоять</i>	<i>стояти</i>	— <i>перестояти</i>
<i>ехать</i>	— <i>приехать</i>	<i>їхати</i>	— <i>приїхати</i>
<i>мазать</i>	— <i>намазать</i>	<i>мастити</i>	— <i>намастити</i>
<i>гнать</i>	— <i>пригнать</i>	<i>гнати</i>	— <i>пригнати</i>
<i>гореть</i>	— <i>прогореть</i>	<i>горювати</i>	— <i>прогорювати</i>
<i>искать</i>	— <i>разыскать</i>	<i>шукати</i>	— <i>розшукати</i> и т. д.

Изучение различий в переходности глагола в русском и украинском языках, предпринятое нами на базе невозвратных единиц по материалам “Русско-украинского словаря”¹, позволяет полнее судить о природе переходности.

При сопоставлении учитывалась семантика и соотношение корней. Ввиду того, что различий оказалось не так много — около трехсот случаев, можно говорить об онтологической обусловленности категории переходности, ср.: *женить сына // дружити дитину*. Поскольку основная масса пар представляет данный тип, ограничимся здесь одним примером (см. еще выше).

Вместе с тем особенности восприятия действия сквозь призму семантического субъекта и объекта приводят к расхождениям, которые могут быть интерпретированы как логические; то есть в одном языке объект как бы вычленяется из действия, в то время как в другом он либо подразумевается в действии, либо пропускается сознанием, ср.: *горланить песню // горланити*.

На этой основе формируется полисемия внутри глагольной лексемы в одном языке и межъязыковая омонимия на уровне ЛСВ. Подобный тип различий в категории переходности в русском и украинском языках является доминирующим. Покажем на примерах.

¹ Русско-украинский словарь: В 3 т. — К., 1980—1981.

Рус.	Укр.
А. 1. <i>Задумать статью.</i> 2. <i>Задумать карту.</i>	А. 1. <i>Задумати статтю.</i> 2. <i>Задумати карту.</i> 3. <i>Куди голова задумала, туди ноги йдуть.</i>
Б. 1. <i>Залепить пощечину.</i> 2. <i>Залепил ему ("сказал").</i>	Б. 1. <i>Заліпити в морду.</i>
В. 1. <i>Временил приступать.</i>	В. 1. <i>Зволікати з роботою.</i> 2. <i>Зволікати розмову.</i>
Г. 1. <i>Караулить врага.</i> 2. <i>Караулить тюленя.</i>	Г. 1. <i>Вартувати склад.</i> 2. <i>Вартувати ("дежурить").</i>
Д. 1. <i>Куриль махорку.</i> 2. <i>Куриль в детской благо- вония.</i> 3. <i>Куриль смолу.</i>	Д. 1. <i>Курити тютюн.</i> 2. <i>Курити фіміам.</i> 3. <i>Курити горілку.</i> 4. <i>Троянці добре так курили.</i>
Е. 1. <i>Куковала кукушка.</i>	Е. 1. <i>Кувала зозуля.</i> 2. <i>Кувала щастя.</i>
Ж. 1. <i>Морщить лоб.</i> 2. <i>Подкладка морщит.</i> 3. 1. <i>Пенить волну.</i>	Ж. 1. <i>Морщити лоб, воду.</i> 3. 1. <i>Пінити море.</i> 2. <i>Вода пінить.</i>
И. 1. <i>Перезимовать в деревне.</i> 2. <i>Бобры перезимовали.</i>	И. 1. <i>Перезимувати зиму (ср. пере- ночувати нічку).</i> 2. <i>Перезимувала озимина.</i> 3. <i>Перезимувати худобу.</i>
К. 1. <i>Перекачивать бочку.</i> 2. <i>Перекачивать поезд.</i>	К. 1. <i>Перекочувати діжку.</i> 2. <i>Перекочувати артилерію.</i> 3. <i>Вітер перекочував хмари.</i> 4. <i>Громи перекочують глухо.</i>
Л. 1. <i>Перерасти друга.</i> 2. <i>Для детского сада ребенок перерос.</i> 3. <i>Перерос поселок в город.</i>	Л. 1. <i>Перерости Максима.</i> 2. <i>Переростати життя.</i> 3. <i>Переростати в дружбу.</i> 4. <i>Перерости красу.</i> 5. <i>Переросла доріжка чарами.</i>
М. 1. <i>Перестаивать непогоду.</i> 2. <i>Простокваша перестояла.</i>	М. 1. <i>Перестоювати в садку.</i> 2. <i>Перестояти годину.</i> 3. <i>Перестояти зиму.</i> 4. <i>Чай перестояв.</i> 5. <i>Механізми перестоюють.</i>

Ср. также разнокорневые эквиваленты:

Н. 1. Сопутствовать ему.	Н. 1. Супроводжувати гостя.
2. Фольклор сопутствует истории.	2. Супроводжувати історію (ср. сопровождать).
О. 1. Хороводить парней.	О. 1. Зваблювати хлопців.
2. Хороводил с военными чиновниками.	
П. 1. Позавтракать вместе.	П. 1. Поснідати разом.
	2. Поснідали б тебе вовки.

Значительные колебания в анализируемых языках наблюдаются в обнажении объекта в глаголах говорения. Представляется, что при украинских глаголах он появляется регулярнее, ср.: *гуторить, вопиять, калякать, рыкать, лаять, пролаять, прокалякать, свистеть, кричать, сквернословить, пророчествовать, заголосить, пустозвонить, пустословить* (а также ряд слов с префиксом **воз-** с переходными украинскими эквивалентами — о чем ниже) // *струмок гомонів пісню, волати молитву, пробалакати талант, теревенити дурниці, прогавкати зневагу, рикати лайку, свистати армію, кричати пробі, лихословити мене, пророкувати добро, загорлати пісню, молоти брехню, лаяти чоловіка, базікати дурниці* и др. Обратных случаев меньше: *раззвонить новость, разводит бодягу, гаркать команду, славословить героя* // *розбовкувати, розп'якувати, гаркати, славословити*.

Специфика логической интерпретации события, действия в языке проявляется и в отношении безличности, то есть когда не важен субъект, а иногда и объект действия, напр.: *вьюжит, завихрило клубы снега, натянуло облаков, ломит суставы, засентябрило за окном* // *вітер вихорив сніг, завихрило надворі, натягнули хмари, заломило в крижах* и др.

Значение переходности/непереходности зависит и от собственно лингвистических факторов. Так, в русском языке имеются префиксы **воз-**, **из-**, которым в украинском языке соответствуют приблизительные эквиваленты, что резко нарушает параллелизм переходности, ср.:

- а) *вострубить* // *засурмити збір, возопить* // *закричати щось, возражать* // *заперечувати думку;*
- б) *исцарапать руку* // *подряпати за вухом, испить воды, вина* // 1. *випити води, вина;* 2. *любити випити.*

По-разному относятся к переходности разговорно-просторечные глаголы с междометными и звукоподражательными основа-

ми, типа *чебуракнути, обшмыгати, мурлыкати, тренкати* // *цвенькати, туркати, начовгувати, лепетати, муркати* и др. Если в глаголе акцентируется способ действия, прямой объект отсутствует, и это бывает чаще: *він мурликав, тренкав на балалайці, човгав ногами, цвенькав по-польськи* и т. д., однако при них возможен объект: *мурликав пісню, цвенькав анекдоти, човгав долівку, тренкав краков'яка*; рус. *чебуракнул рюмку, обшмыгал рукава, лепетал просьбу*. Препятствием для регулярности пар по переходности служит образ, который стоит за подобными лексемами, а потому расхождения в языках не поддаются типизации.

Различия в реализации категории переходности/непереходности в русском и украинском языках убеждают в том, что ее природа вовсе не обусловлена объективными отношениями, как это часто утверждается, но особенностями восприятия, углом зрения.

Категория переходности/непереходности, несмотря на сильный грамматический маркер (винительный падеж), в некотором роде лексикализируется: способность глаголов употребляться без прямого объекта или с ним свидетельствует о лабильности глагольной семантики по линии конкретизации и абстрагирования, ср.: *кричать — кричать песню*, в последнем сочетании глагол конкретизирует свою семантику “петь громко, переходя на крик (часто о пьяных)”.

Категория переходности/непереходности осложняется в обоих языках ее взаимодействием с категорией рефлексива/нерефлексива.

3. ВОЗВРАТНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Категория рефлексива/нерефлексива составляет ядро категории залога в широком понимании.

В противопоставлении возвратных и невозвратных единиц маркированным членом является возвратный (рефлексив): глагольное слово с *-ся*. Это противопоставление сохраняется и в формах причастий и деепричастий, однако не регулярно, поскольку в отдельных звеньях как в одном, так и в другом языке транспозиция глаголов с *-ся* в непредикативные формы затруднена.

Значение возвратности широко выражается также конструкциями с возвратными местоимениями: *проявить себя, справиться с собой, изменить себе, взять себя в руки* // *пам'ятати себе, тримати себе в руках, працювати над собою, сумніватися в собі*.

Эти конструкции могут осложняться местоимением *сам*: *обманывает самого себя, помнит о себе самом, разговаривает сам с собой* // *сам себе не забуває, сам з собою розмовляє, не вірить сам собі*.

Сочетание возвратных глаголов с местоимением *сам* может обозначать усиление возвратности (*ребенок умылся сам, чашка свалилась сама, поезд остановился сам*), но может и подчеркивать добрую волю субъекта, отсутствие другого влияния: *причесалась сама* (а не у парикмахера), *признался сам* (а не заставили), *сам построился* (никто не помогал).

Значение возвратности свойственно и конструкциям с местоименными сочетаниями: *друг друга // один одного*, ср.: *любить друг друга, жалеть друг друга, ненавидеть друг друга // любить одне одного, лаяти одна одну, питати один одного*. Усиление возвратности наблюдается также у глаголов с компонентом *само*: *самообеспечиваться, самоограничиваться, самоуправляться, самовозбуждаться, самооплодотворяться, самоопределяться, саморазрушаться, самосовершенствоваться // самооподаткуватися, самоусуватися, самовизначатися, самозайматися, самозапилюватися, самоокупатися*.

Некоторые ученые называли возвратные формы с *-ся* и сочетания с *себя, сам* однородными грамматически (А. Маргулиес), причем вторая форма трактовалась как усиленная. В. Виноградов отвергает такой подход на том основании, что *застрелиться* и *застрелить себя, беречься* и *беречь себя* различны по грамматической природе, нерегулярны, а многие отличаются значениями¹. Вместе с тем нельзя отрицать, что аналитическое возвратное местоимение восстанавливает часто стертую возвратность *-ся*: *он упорно защищался — он защищал себя сам* (на судебном процессе).

Накопление маркеров возвратности обусловлено ее многозначностью, а следовательно, необходимостью уточнения значения, напр.: *бояться* “самому испытывать страх” (обще-возвратное значение) — *бояться друг друга* (взаимно-возвратное значение) “каждому испытывать страх под воздействием другого”, *обманываться* (невольнo) — *обманывать самого себя* (осознанно); *опыляться* (безотносительно к объекту) — *самоопыляться* (самому выступать в качестве объекта); *любоваться цветком* — *любоваться собой* — *любоваться друг другом*.

Между тем во многих случаях имеет место простая амплификация: *обольщаться — самообольщаться, определиться — самоопределиться; помирились друг с другом — они помирились // листувались один з одним; змагалися один з одним; усунувся від вирішення проблеми — самоусунувся від вирішення проблеми*.

¹ См.: Виноградов В. Русский язык. — М., 1972. — С. 494.

Возвратные глаголы образуются от невозвратных переходных и непереходных. В обоих языках имеются и непроеизводные возвратные глаголы, или *reflexiva tantum*, которые во многом совпадают: *бороться, артачиться, бояться, мерещиться, кланяться, касаться, улыбаться, остаться, смеяться, надеяться, глумиться, добиться, каяться, гнушаться // боротися, боятися, вклонятися, посміхатися, надіятися, сміятися, спізнитися, захопитися, маніритися, торкатися, баритися, глумитися, добитися, каятися, сахатися* и др.

Глаголы с постфиксом *-ся*, образованные от переходных глаголов, могут иметь значение пассива (они рассматриваются здесь как формы) и значения средне-возвратные. Это зависит от глубины семантических преобразований и способности “освобождаться” от семантического субъекта и объекта. Если в конструкции агенс выступает в роли дополнения, глагол имеет значение страдательности (пассив). Если его нет, то это либо неполная пассивная конструкция, либо активная — со средне-возвратным глаголом. Неполная пассивная конструкция чаще мыслится при “вещественном” пациенсе — подлежащем, когда действие однозначно выполняется людьми: *смола извлекается, лен вымачивается, сушится, теребится // зерно провіюється, картопля копається*. В остальных случаях, как и при образовании возвратных глаголов от непереходных единиц, формируются рефлексивы с разными оттенками средне-возвратного глагола¹. При образовании постфиксальным способом происходят модификационные сдвиги в семантике глагола (изменение значения в его отношениях к субъекту и объекту): *встречать — встречаться, кусать — кусаться, убирать — убираться*, то есть имеет место категориальное противопоставление по возвратности. Ср. укр. *мити — митися, червоніти — червонітися*.

Если в результате словообразовательных процессов происходят мутационные сдвиги — метафоризация корня, изменение семантической валентности, — формируются глаголы *reflexiva tantum*: *бросать книжку — броситься на отца // кинути м'яча — кинутися з кулаками*.

Категория возвратности связана в русском языке словообразовательно с видовыми противопоставлениями: *ложиться — лечь, садиться — сесть, становиться — стать* (ср. укр. *лягати — лягти, сідати — сісти, ставати — стати*).

¹ См.: *Виноградов В. Указ. соч. — С. 494—501.*

Связь возвратности с видом наблюдается в обоих языках в префиксально-постфиксальных моделях в кругу способов действия¹, ср.: гулять — догуляться, читать — вчитаться, есть — наестся // бігати — добігатися, хворіти — розхворітися, читати — начитатися (украинские “роди дії”)². Эти глаголы нерегулярно образуют вторичный имперфект.

Сильные мутационные сдвиги также выводят данные глаголы за рамки противопоставления по возвратности, делая их словами reflexiva tantum.

В русском и украинском языках есть способы действия со значением кумулятивности: на-...-ся, о-...-ся, об-...-ся, которые сильно управляют родительным падежом, ср.: наестся хлеба, нанюхаться табаку, наглядеться горя, натерпеться обид, опиться квасу, объестся капусты, обхлебаться супу // набратися горя, наслухатися байок, начитатися книжок, об'їстися вареників, обкуритися маріхуани, обпитися квасу. Соответствующие безаффиксальные глаголы управляют винительным падежом, а их семантика противоречит идее переходности на объект, поскольку объект “принимается” субъектом “в себя”: їсти вареники. Возвратная форма закрепляет это значение: він наївся вареників, — но форма родительного количества снова противоречит на сей раз уже возвратности, так как формально маркирует переходность. Входят в эту группу и модели до-...-ся со значением “доведения до результата”, образованные от переходных глаголов, управляющих родительным падежом: ждуть Петра — дождатися Петра; просять хлеба — допроситися хлеба // чекати Дмитра — дочекатися Дмитра.

Вероятно, в данных способах действия упор делается не на семантику возвратности, а на значение количества действия, ср.: просять хлеба — выпросить хлеба — допроситися хлеба — субъект тот же, объект тот же; меняется мера действия.

Стирание лексико-семантических различий между переходными формами с -ся и без -ся свидетельствует о дальнейшей лексикализации возвратности в обоих языках. Общность процесса наблюдается, в первую очередь, в кругу глаголов со значением “выявление признака”.

В. Виноградов, анализируя пары типа зеленеть — зеленеться, чернеть — чернеться, усматривает в возвратных единицах падение активности процесса на том основании, что имеющиеся у не-

¹ См. в этой связи: Русская грамматика. — Praha, 1979. — С. 285.

² См.: Безпояско О., Городенська К., Русанівський В. Зазн. праця. — С. 201—210.

возвратных глаголов активные значения “становиться черным”, “начинать чернеть” индуцируют активный компонент и на значение “виднеться”: *лес чернеет вдали*. Заметим, что у Н. Некрасова в одном ряду употребляются обе формы с явно одинаковой семантикой: *Морозно. Равнины белеют под снегом, чернеется лес впереди*. Современный носитель языка также не ощущает особых различий между членами пары — в “Словаре русского языка”¹ глагол *чернеться* толкуется путем отсылки к глаголу *чернеть*.

Аналогичное явление наблюдается и в украинском языке, тем более что значение “становиться более черным” выражается другим глаголом, образованным от сравнительной степени прилагательного: *чорнішати*. Поэтому аффикс *-ся* не привносит “ощутимых изменений” в семантику невозвратного глагола со значением обнаружения признака: *темніли верхівіття верб — темнілася слобода*².

Сравните другие примеры из данной функционально-семантической группы: *краснеть — краснеться, алеть — алеться, рдеть — рдеться, светлеть — светлеться, синеть — синеться, желтеть — желтеться*, но: *голубеть // червоніти — червонітися, світліти — світлітися, багріти — багрітися, синіти — синітися, темніти — темнітися, сіріти — сірітися, жовтіти — жовтітися*, но: *голубіти*.

Круг данных глаголов ограничивается основными цветами, относящимися к природным явлениям, которые как бы исключены из сферы воли человека.

Круг возвратных глаголов, образованных от непереходных, немногочислен, однако здесь очень часто нейтрализуется оппозиция по возвратности. Как сами возвратные глаголы не структурируются в группы, так не поддаются учету типы их пересечений в русском и в украинском языках, что на фоне общего корня и / или семантики еще раз свидетельствует об утрате постфиксом *-ся* в таких условиях значения возвратности, ср.:

	Рус.		Укр.
<i>дымить</i>	— <i>дымиться</i>	<i>димити</i>	— <i>димитися</i>
<i>скисать</i>	— <i>скисаться</i>	<i>скисати</i>	— <i>скисатися</i>
<i>стучать</i>	— <i>стучаться</i>	<i>стукати</i>	— <i>стукатися</i>
<i>сыпать</i>	— <i>сыпаться</i>	<i>сипати</i>	— <i>сипатися</i> (про сніг)

¹ Словарь русского языка. — М., 1984. — Т. 4. — С. 665.

² Сучасна українська літературна мова: Морфологія. — С. 337.

<i>обещать</i>	—	<i>обещаться</i>	<i>обіцяти</i>	—	<i>обіцятися</i>
<i>спорить</i>	—	<i>спориться</i>	—	—	<i>сперечатися</i>
<i>двигать</i>	—	<i>двигаться</i>	<i>сунути</i>	—	<i>сунутися</i> (про натовп)
<i>кружить</i>	—	<i>кружиться</i>	<i>кружляти</i>	—	—
—	—	<i>заблудиться</i>	<i>заблудити</i>	—	<i>заблудитися</i>
<i>переть</i>	—	<i>переться</i>	—	—	<i>пертися</i>
<i>играть</i>	—	—	<i>грати</i>	—	<i>гратися</i>
<i>развиднеть</i>	—	<i>развиднеться</i>	<i>розвидняти</i>	—	<i>розвиднятися</i>
<i>насесть</i>	—	—	<i>насісти</i>	—	—
(с угрозами)					
<i>сеять</i>	—	<i>сеять (о дожде)</i>	<i>сіяти</i>	—	<i>сіятися</i>

Некоторая закономерность наблюдается в кругу префиксальных образований с префиксами *от-* // *від-* и значением “закончить действие ввиду невозможности его продолжения” (часто о покойнике): *отжил, отходился*. В украинском языке более вероятны глаголы без *-ся*, но в конструкции, как правило, имеется или подразумевается местоимение *свое*: *він своє відходив, відстраждав, віджив, відробив, відлюбив, відговорив, відтанцював* и т. д.

В русском языке возможны и возвратные образования: *отлазился, отплясался, отходился, отзвонился, отгостился, отмолотился, отговорился, отвоевался*.

Нейтрализация “возвратности” постфикса *-ся*, замыкание при его помощи действия на субъекте, влечет за собой широкую лексическую синонимию непереходных рефлексивных и нереклексивных глаголов. В “Словаре синонимов русского языка”¹ таких рядов 169, напр.:

1. *Бушевать, свирепствовать, неистовствовать, бунтовать, безумствовать, бесноваться, беситься, буйствовать* (о природе).

2. *Бухнуть, бухнуться, брякнуть, грохнуть, грянуть, грянуться, хлопнуться, бахнуть, бахнуть, трахнуть, чебурахнуться, загреметь*.

3. *Горевать, скорбеть, сокрушаться, крушиться, тужить, убиваться*.

Аналогично и в украинском языке. Более редка, но вместе с тем возможна, синонимия переходных глаголов и возвратных, ср.:

Рус.

1. *Родить, принести, разрешиться*.

2. *Касаться, затрагивать, задевать* (об интересах).

¹ Словарь синонимов русского языка: В 2 т. — М., 1970—1971.

3. Толкать (дверь), толкаться (в дверь), пихать, пихаться.
4. Убрать, прибрать, убраться, прибраться (о комнате).
5. Перейти, перебежать, переметнуться, перекинуться.

Укр.

1. Народити, розродитися.
2. Торкати, торкатися, доторкуватися.
3. Штовхати, штовхатися, пхати, пхатися (у хвіртку).
4. Порати худобу, поратися коло худоби.

Такая синонимия оказывается возможной, поскольку глаголы с *-ся*, теряя переходность, не теряют способности к управлению. См. на материале украинского языка: *носити торбу — носитися з торбою*; *вітати сусіда — вітатися з сусідом*; *переконати опонента — переконатися в протилежному*¹.

Постфикс *-ся* может переводить непереходные глаголы в класс безличных в русском и украинском языках, ср.: *(мне) не спится, не лежится, не стоится, верится, думается, плачется // не спиться, не лежится, співається, дихається, живеться*. Эти глаголы имеют средне-возратно-безличный залоговый оттенок. Как правило, они сопровождаются либо отрицанием, либо оценочным качественным наречием: *не (плохо/хорошо/быстро/легко/трудно)... работалось*². Полагают, что безличные глаголы образуются при помощи *-ся* и от переходных: *пью — не пьется, ем — не естся*. Представляется, что при образовании акцентируется непереходное значение, ср.: *я читаю книгу — я читаю — мне (не) читается*. Безличные глаголы не образуются от возвратных, ибо это влекло бы за собой удвоение аффикса *-ся*. Возвратность и безличность формируются в таких случаях одновременно.

В кругу безличных глаголов как в русском, так и в украинском языке есть параллельные формы с *-ся (-сь)* и без этого постфикса: *разведрило — разведрилось, стемнело — стемнелось // розвидніло — розвиднілось, смеркло — смерклося*. Хотя постфикс *-ся* по своему происхождению является местоимением, а в западных украинских говорах еще встречается в свободном употреблении (*як ся маєш?*), в современных русском и украинском языках происходит его лексикализация, то есть он выполняет все чаще словообразовательную функцию.

Вероятно, по этой причине различия по линии возвратности в русском и украинском языках не поддаются логическому упорядочению.

¹ См.: Сучасна українська літературна мова. — С. 336.

² Русская грамматика. — Прага, 1979. — С. 292.

Постфиксальное образование зависит от комбинации разнородных и разнонаправленных факторов онтологической характеристики действия, типизированной модели, стилистических показателей, готовности к амплификации.

В русском и украинском языках соотношение возвратных и невозвратных глаголов приблизительно одинаково. Так, в корпусе “Обратного словаря русского языка”¹ всего глаголов — 37 319, глаголов на *-ся, -сь* около 14 тыс., в корпусе “Інверсійного словника української мови”² глаголов на *-ся* около 11 тыс., а всего — около 24 тыс.

Для соотношения возвратности/невозвратности между языками нами был предпринят анализ эквивалентов в трехтомном “Русско-украинском словаре”³. Несмотря на пестроту, перекрещиваемость связей, частую случайность форм, удалось все же установить некоторые закономерности и тенденции.

Совпадение форм на *-ся* наблюдается в рамках способов действия; ср. русские модели: *на-...-ся, до-...-ся, раз-...-ся, пере-...-ся, вы-...-ся, при-...-ся, за-...-ся* и их украинские соответствия. Напр.: *наестся, догуляться, разбросаться, передвинуться, выучиться, прижиться, затратиться // наїстися, догулятися, розкричатися, перевернутися, вивчитися, прижитися, зачитатися.*

К некоторым моделям фиксируется однотипное соответствие. Например, русским *уменьшаться, улучшаться, укорачиваться, удлиняться, убыстряться* и т. п. соответствуют украинские невозвратные: *меншати, кращати, коротшати, довшати, швидшати.* Правда, в словаре даются и возможные возвратные варианты: *зменшуватися, покращуватися, скорочуватися* и т. п. Этим кратким перечнем, собственно, и исчерпывается регулярность в отношении возвратности, и далее мы вступаем в поле тенденций.

Различия в возвратности наблюдаются в кругу глаголов движения, отношения, эмоционального состояния, оценки, отмеждоментных, безличных, специальных. Покажем на примерах:

а) *слоняться, болтаться // тиняться, вештатися, сновигати, швендяти;*

пускаться // рушати;

скитаться // блукати;

переметнуться // перемахнути;

направляться // прямувати;

¹ Обратный словарь русского языка. — М., 1974.

² Інверсійний словник української мови. — К., 1985.

³ Русско-украинский словарь: В 3 т. — К., 1980—1981.

- надвигаться // насувати, насуватися;*
метнуться // кинутися, метнутися, шарахнути;
двинуться // рушити;
 б) *спорить // сперечатися;*
одолжаться // позичати;
супротивничать // опиратися;
соваться, лезть, встравать // лізти, встравати;
свыкаться // звикати;
гнушаться // гребувати;
насмехаться // глузувати;
уступать // поступатися;
дружить // дружити;
наседать // насідатися;
мстить // мститися;
 в) *скучать // нудитися, нудити;*
прослезиться // заплакати;
радоваться // радіти;
тронуться (умом) // збожеволіти, стеряти розум;
смешаться // зніяковіти;
взбеситься // розлютіти, розлютитися;
беситься // шаленіти, лютувати;
сникнуть // знітитися;
 г) *брякаться // гепати, гепатися;*
бултыхнуться // шубовснути;
грохнуться // гримнути, бебекнути(ся), хряснути(ся);
аукать, аукаться // перегукуватися, гукати.
- Ср. также отдельные лексемы:
- состоять // складатися, полягати, бути;*
отрезветь // протверезитися;
смотреть // дивитися;
хлопотать // клопотатися;
обессилеть // знесилитися;
чесаться // свербіти;
трескаться // репати;
зарониться // запати;
лакомиться // ласувати;
оклематься // оклигати.

Из шести тысяч словарных статей, выбранных нами из трехтомного “Русско-украинского словаря”, приблизительно в полутора тысячах встречаются пересечения рефлексива/нерефлексива — либо в виде варианта, либо реже в виде расхождения.

Приведенные примеры убеждают в немотивированности возвратности онтологическим и логическим фактором — слишком много расхождений по семантическим полям. Отсутствие параллелизма в однокоренных образованиях снижает роль и логико-грамматического фактора. Ведущее положение занимает фактор словообразовательного моделирования и лексической вариативности.

4. ПРИЧАСТИЕ В СИСТЕМЕ ЗАЛОГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Категория залога в узком понимании представляет оппозицию актива и пассива. В самом чистом виде она представлена в рамках причастия. Причастия являются такими формами, которые выражают значение залога при помощи морфологических показателей. Собственно, именно в рамках причастия категория залога приобретает морфологический статус.

Основой для противопоставления причастий является направленность или ненаправленность действий на определяемый предмет или лицо. Если действие направлено на этот предмет, причастие квалифицируется как страдательное, если предмет является производителем действия — причастие действительное. То есть залоговая оппозиция причастия косвенно подтверждает двучленную теорию залога, так как причастия могут быть образованы и от непереходных глаголов.

Причастия в обоих языках выступают в функциях предикативной и атрибутивной, представляя основу для грамматической синонимии конструкций актива и пассива.

Парадигма причастий в украинском и русском языках устроена по-разному, хотя основана на одних принципах: образование причастий зависит от вида, переходности и лексического значения производящей глагольной основы.

В русском языке причастие имеет четыре формы:

- 1) действительное настоящего времени: *рисующий*;
- 2) действительное прошедшего времени: *рисовавший*;
- 3) страдательное настоящего времени: *рисуемый*;
- 4) страдательное прошедшего времени: *рисованный*.

Ограничения накладывают вид (невозможность настоящего времени для совершенного вида) и переходность (невозможность страдательных форм от непереходных глаголов), таким образом, схема образования форм приобретает следующий вид — с указанием достаточных условий:

Время	Действительные	Страдательные
Настоящее	Несовершенный вид (переход./непереход.): <i>читающий</i> <i>бегающий</i>	Несовершенный вид (переход.): <i>читаемый</i>
Прошедшее	<i>читавший</i> <i>прочитавший</i> <i>бежавший</i> <i>убежавший</i>	Переходный: <i>читанный</i> <i>прочитанный</i>

Как видим, ограничений категориального плана не имеет только разряд действительных причастий прошедшего времени; наиболее “ущербным” разрядом являются страдательные причастия настоящего времени.

Полная парадигма русского причастия включает 5 (6) членов (для переходных глаголов, образующих видовую пару). Однако далеко не все глаголы способны производить все формы. Непоследовательность образования форм обусловлена причинами формального или лексико-семантического свойства.

Страдательные причастия в русском языке могут иметь краткую форму: *прочитан, игран, управляем, ранен, читаем, открыт*.

Формы настоящего времени несовершенного вида могут употребляться по отношению к прошедшему и будущему, то есть они выражают действие, одновременное с глагольным сказуемым, ср.:

Я вижу читающего мальчика.

Я увижу читающих детей.

Я видел читавших/читающих детей.

Поэтому форма действительного причастия прошедшего времени несовершенного вида является функционально избыточной.

Форма страдательного причастия несовершенного вида прошедшего времени (*читанный*) чаще выражает значение результативности, нежели процессуальной одновременности, поэтому в известной степени синонимична форме совершенного вида и тоже избыточна: *квашенная капуста — заквашенная капуста*. В этой связи она часто адъективизируется.

Образование причастий в украинском языке (дієприкметників) может быть представлено следующим образом:

Время	Действительные (укр. активні)	Страдательные (укр. пасивні)
Настоящее	Несовершенный вид (непереход./переход.): <i>в'янучий</i> <i>співаючий</i>	—
Прошедшее	Совершенный вид (непереход.): <i>зів'ялий</i>	Переходный: <i>співаний</i> <i>заспіваний</i>

Страдательные причастия в украинском языке значение времени не выражают, но поскольку образуются от инфинитивной основы, обычно трактуются в системном плане как формы прошедшего времени.

В украинском языке избыточная форма действительного причастия несовершенного вида прошедшего времени отсутствует, а данную функцию выполняет специализированная форма настоящего времени:

Я бачу в'януче листя.
Я бачив в'януче листя.
Я побачу в'януче листя.

Что касается страдательных причастий несовершенного вида (*мальований, співаний, освітлюваний*), образуемых достаточно регулярно, то они совмещают значение процессуальной одновременности и результативности:

Я люблю мальовану вами картину (“зараз” — і “вже намальовану”).
Я любив мальовану вами картину, а ви її зіпсували поправками.
Я любив, люблю і любитиму мальовані вами картини, бо мені ім-понує ваш стиль.

В украинском языке более сильна позиция категории переходности: именно она противопоставляет действительные и страдательные причастия, в то время как в русском языке действительные причастия образуются и от переходных глаголов. Это различие обусловлено тем, что в русском языке действительные причастия не теряют исходной способности к управлению: *читающий книгу, читавший книгу, прочитавший книгу*. В украинском языке причастие теряет такую способность (*співає арію* — **співаючий арію*) и начинает соотноситься с непереходным глаголом: *Він — співає — співаючий юнак*¹.

¹ Сучасна українська літературна мова. — С. 409; Безпояско О., Городенська К., Русанівський В. Зазн. праця. — С. 133—134.

Следовательно, в украинском языке по числу категориальных ограничений разряды причастий выстраиваются таким образом: страдательные прошедшего времени — ограничены переходностью, действительные прошедшего — совершенным видом и непереходностью, действительные настоящего — и несовершенным видом, и непереходностью.

Большая парадигматическая регулярность русских причастий, по сравнению с украинскими, проявляется и в их способности образовываться от глаголов с постфиксом *-ся*. Их функция и способность вступать в оппозицию по линии “актив — пассив” зависит от грамматического значения *-ся*: возвратного или страдательного.

Так, если глагол *строиться* имеет значение возвратное (*строящийся человек*), то форма сохраняет ту же перспективу действующего лица, и ведущую роль играет показатель действительного залога: *-ящ-*. Если глагол имеет значение страдательное (*Дом строится СМУ-1*), образованное причастие (*строящийся, строившийся*) имеет значение пассива: *Дом, строящийся СМУ-1, переходит на баланс СМУ-2*, — то есть значение суффикса *-ящ-* нейтрализуется страдательным постфиксом.

Причастные формы с постфиксом *-ся* в русском языке достаточно активны: *волнующийся, радующийся, читающий, причесывающийся, раскланивающийся* и соответствующие формы прошедшего времени. Ввиду того, что в русском языке страдательные формы несовершенного вида прошедшего времени образуются редко и склонны к выражению результативности, а не процессуальности, действительные причастия с *-ся* компенсируют пробел (ср. возможность выражения процессуальности относительно прошедшего времени: *груженная вчера баржа — на грузящейся вчера барже; варенная вчера морковь — варящаяся вчера морковь*):

*груженная баржа — грузящаяся баржа,
варенная морковь — варящаяся морковь;
*строенный — строящийся мною дом,
*разносимый — разносящиеся мною блюда,
*бередимый — бердящиеся кем-то раны,
прядимый — прядущаяся мною нить.

Поскольку украинские страдательные причастия несовершенного вида способны выразить значение процессуальной пассивности и одновременности по отношению к глаголу, являясь вневременными, они замещают собой пассивные формы настоящего времени и возвратные с *-ся*: *руководимый вами коллектив // керо-*

ваний вами коллектив; улыбающееся лицо // усміхнене обличчя; ср. также потерю -ся при заимствовании формы: *трудящиеся* // *трудо- дящі*.

Формообразующие аффиксы причастий современных русско- го и украинского языков унаследованы от древнерусского языка, но круг унаследованных аффиксов и их мощность не одинаковы по языкам.

Во-первых, древнерусские суффиксы -ач-, -яч-, -уч-, -юч- сохранились только в украинском языке, где они малопродуктивны, а образованные формы часто адъективируются. В русском языке эти суффиксы были вытеснены старославянскими продуктивными -ущ-, -ющ-, -ащ-, -ящ-.

Во-вторых, древнерусские суффиксы -вьш-, -ъш-, -л- распределились между языками: -вш-, -ш- продуктивны в русском языке; в украинском языке употребляется -л-, и то достаточно ограничено; суффикс -ш- фиксируется в отдельных образованиях: *перемігший*.

В-третьих, древнерусский суффикс -ом- (-ем-, -им-) используется в образовании причастий в русском языке, в украинском он сохранился в составе отдельных имен прилагательных: *видимый, знайомий*.

Совпадения инвентаря формантов наблюдаются в формообразовании только страдательных причастий прошедшего времени: -т-, -ен-, -нн- (-н-) // -т-, -н-, -ен-.

И в русском, и в украинском языке образуются далеко не все теоретически возможные причастия. Основные ограничения в русском языке касаются страдательных причастий настоящего и прошедшего времени. Редко образуются причастия страдательные прошедшего времени несовершенного вида типа: *груженный, варенный*. Ср. также глаголы, от которых не образуются причастия настоящего времени: *беречь, вить, крыть, косить, мерить, мести, серебрить, мылить* и др.; прошедшего времени — глаголы с суффиксами -ыва-, -ва-, -ану-, -ну- на ударные -ать, -ять (*посни- мать*), отдельные глаголы: *знать, гасить, любить, колебать, молодить, чтить* и др.¹ В украинском языке ограничения касаются действительных причастий прошедшего времени: так, из 12 глагольных классов только 4 дают формы действительных причастий прошедшего времени². Многие глаголы, дефектные в этом отно-

¹ См.: Русская грамматика. — М., 1980. — С. 667—671.

² Сучасна українська літературна мова. — С. 412.

шении в одном языке, производят причастия в другом, ср.: *дававший, бывавший, пускавший, смеявшийся, бравшийся, хотевший, любивший, кричавший, бежавший* — при отсутствии украинских эквивалентов.

Многие различия носят несистемный характер, и в способности образовать причастие от конкретного глагола языка могут как совпадать, так и расходиться, ср.:

Рус.		Укр.
<i>обувать</i>	—	<i>взувати — взуваний</i>
<i>знать</i>	—	<i>знати — знаний</i>
<i>писать — писавший</i>		<i>писати —</i>
<i>нести — несший</i>		<i>нести —</i>

В русском языке есть некоторые непереходные глаголы с сильным управлением, от которых могут быть образованы страдательные причастия: *руководимый, управляемый, отмищенный, обладаемый, предшествоваемый, следуемый, польщённый*.

В обоих языках причастия функционируют в предикативных и атрибутивных конструкциях. Причастные обороты, выполняющие функцию определения, называют еще полупредикативной конструкцией. В предикативной функции в русском языке выступают краткие причастия: *Окно открыто; Книга набрана; Дело сделано; Он был любим друзьями*.

Если на роль сказуемого претендует действительное причастие, оно выступает в полной форме: *Публика здесь читающая; День был волнующим; Танк оказался сгоревшим*. В некоторых случаях возможно употребление краткого действительного причастия, но тогда происходит адъективация: *День волнующ*.

В украинском языке в предикативной конструкции выступают полные формы (кратких нет): *Книга була надрукована вчасно*.

В атрибутивной функции в обоих языках выступают полные формы; ср.:

Рус. *ученик, читающий книгу — книга, читаемая учеником; художник, нарисовавший картину — картина, нарисованная художником;*

Укр. *книга, подарована автором; побіліле від горя волосся.*

Поскольку в русском языке возможно образование от переходных глаголов как страдательных, так и действительных причастий, образуются обратимые по линии пассива/непассива конструкции:

*рабочие, построившие дом — дом, построенный рабочими;
ветер, открывший окно — окно, открытое ветром.*

В украинском языке такая обратимость невозможна, поскольку действительные причастия образуются от непереходных глаголов, а страдательные — от переходных. Если возникает необходимость заменить пассив на актив, используют атрибутивную конструкцию в ранге подчинения:

*дім, збудований робітниками — дім, який будували робітники;
книга, набрана на комп'ютері — книга, яку набрали на комп'ютері.*

Конструкция типа: *учень, пояснюючий завдання; плющ, обвиваючий дерева; селяни, сіючі пшеницю*, — нежелательны в украинском языке как кальки. Им соответствуют атрибутивные конструкции с придаточными определительными: *учень, який пояснює завдання; плющ, який обвиває дерево; селяни, що сіють пшеницю*. Синонимия причастных оборотов и придаточных определительных свойственна обоим языкам.

Причастия в русском и украинском языках переходят в прилагательные и в таком случае выпадают из залогового противопоставления актива/пассива. Степень адъективации зависит от синтаксической позиции и морфологического типа.

Самые благоприятные условия для адъективации — функция небособленного нераспространенного определения.

Легче адъективируются страдательные причастия прошедшего времени, ибо означают результат; действительные причастия настоящего времени легче, чем прошедшего, ибо означают одновременность действия с глаголом, то есть собственно вневременность, и этим приближаются к прилагательному. “Русская грамматика”¹ предлагает такую шкалу степеней способности к адъективации:

вареный — определенный — ведущий — наболевший.

Условия адъективации украинских причастий определяются синтаксической позицией и способностью выступать в составе пассивной (непассивной) конструкции.

Активные причастия употребляются в украинском языке преимущественно в роли определения, стоящего в препозиции к определяемому слову: *На мarmorі застиглих хмарин, мов тiнь, стоїть висока тополя* (М. Стельмах), — что способствует адъективации.

¹ Русская грамматика. — Praha, 1979. — С. 276.

Страдательные причастия могут выступать в роли сказуемого или полупредикативного определения: *Невже оце дівчисько зуміло сколиснути притуплені захопленнями почуття* (М. Стельмах); *Тепер має бути тихо в стаї, двері замкнені, і навіть спузар не сміє кинути оком на молоко; Її очі звернені десь на полонину; Стояв безпорадний, згублений у липкому тумані* (М. Коцюбинський).

Страдательные причастия адъективируются, если они находятся вне предикативной или полупредикативной конструкции, а также не могут быть соотнесены с активной конструкцией: *Здоєне молоко важко спочиває в дерев'яному посуді; Здоєні вівці, немов ступанілі, падають у загороді на камінь* (М. Коцюбинський).

В украинском и русском языках имеется особая предикативная форма причастия на **-но (-ено), -то** (укр. *зроблено, видано, казано*), однако ее функционирование (и интерпретация) в исследуемых языках различно.

В русистике такие формы (*сказано, суждено, убрано*) квалифицируются как краткие предикативные формы страдательных причастий среднего рода, функционирующие в роли главного члена безличного предложения, или причастные предикативы.

В украинистике причастия на **-но, -то**, хотя и называются причастиями, резко от них отграничиваются. Эти формы, в отличие от русских, управляют винительным падежом, то есть ведут себя как действительные единицы и не употребляются в пассивных конструкциях: *Ой, у полі жито копитами збито* (Песня). По мнению А. Потевни и его ученика А. Попова, обе формы в обоих языках имеют одинаковую природу — это специальные небезличные формы, выходящие за пределы страдательных. А. Потевня приводит примеры образования их от непереходных глаголов: *в девках сижено — плакано, замуж выдано — выто*.

А. Потевня полагает, что эти конструкции вышли из конструкций типа: *кому это сказано* — путем опущения местоимения и привлечения впоследствии винительного имени: *взято его в рекруты*, — характерное для северного русского наречия и украинского языка. А. Попов считал форму с винительным падежом более древней, а конструкцию — восходящей к тем глубоким временам, когда еще не было различий между именительным и винительным падежами, между именем и глаголом. Следы этой стадии обнаруживаются в оборотах русской разговорной речи (*построено там три терема*) и, если принять эту концепцию, то и в современном украинском языке¹. Если встать на двучленную теорию

¹ См.: *Виноградов В.* Русский язык. — С. 485—488.

залога, то любая форма и конструкция, и безличная в том числе, должна быть квалифицирована в залоговом отношении.

В таком случае конструкции *книжку було видано* можно квалифицировать как страдательную, ибо подразумевается какой-то деятель в творительном падеже; конструкция синонимична высказыванию: *книгу видали* (кто?), безличному и активному. Аналогично в русском языке: *в комнате убрано* (кем?) — *в комнате убрали* (кто?).

Заканчивая обзор форм причастий и их значений в русском и украинском языках, отметим принципиальное сходство категориального обеспечения (зависимость от вида, переходности).

Вместе с тем парадигматическая организация форм зависит от взаимодействия детерминирующих категорий. Так, в украинском языке актив и пассив по переходности находятся в эквиполентной оппозиции, а в русском — привативной.

Действительные причастия настоящего и прошедшего времени в украинском языке тоже вступают в эквиполентную оппозицию по виду (настоящее время — несовершенный вид, прошедшее — совершенный вид), в то время как в русском языке она привативна (настоящее время — НВ, а прошедшее немаркировано).

Таким образом, причастная парадигма в украинском языке скорее залогово-видовая, нежели просто залоговая, как в русском языке (видовые ограничения в нем касаются только настоящего времени, что обусловлено не причастной системой, но невозможностью любой формы совершенного вида употребляться в настоящем времени).

Системные отличия обусловлены и значениями форм. Отсутствие страдательных причастий настоящего времени и возвратных в украинском языке объясняется широкими возможностями пассива несовершенного вида: он может выражать процессуальность и различные значения времени.

Категориальные совпадения наблюдаются лишь в разряде страдательных причастий прошедшего времени.

В основном совпадают по языкам грамматические показатели, с некоторыми вариантами унаследованные от древнерусского языка. Различия касаются действительных форм: исконной огласовки в украинском и старославянской в русском языках, а также дифференциации древнерусских суффиксов прошедшего времени по языкам.

Отмеченные различия в системе причастий оказывают влияние и на противопоставление и синонимию конструкций актива и пассива в русском и украинском языках.

5. СТРАДАТЕЛЬНЫЙ ЗАЛОГ. ЗАЛОГОВЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

В системе залоговых форм есть формы, которые вступают в оппозицию по линии пассива/непассива, и так называемые дефектные члены, не вступающие в противопоставление.

Основой для противопоставления выступают направленность/ненаправленность действия на субъект, потому грамматической базой категории пассива/непассива являются переходные глаголы. От них образуются страдательные формы, употребляющиеся в пассивных конструкциях и вступающие в оппозицию с исходной формой, имеющей значение актива (непассива). Страдательные формы представляют в данной оппозиции сильный маркированный член. Важным условием противопоставления является взаимная обратимость активных и пассивных конструкций.

Круг страдательных форм одинаков во всех теориях залога: 1) страдательные причастия; 2) страдательные глаголы с *-ся*, или так называемый возвратный пассив, интерпретируемый то как форма, то как дериват.

Действительный залог представлен формами: 1) переходных и непереходных глаголов; 2) образованных от них действительных причастий. (В трехчленной теории залога сюда входят только переходные глаголы и образованные от них причастия.)

Категория залога сохраняется также в формах деепричастия и инфинитива.

Глагольные формы с действительными и страдательными значениями образуют конструкции актива и пассива. Любое действие, интерпретируемое в отношении семантического субъекта (агенса) и семантического объекта (пациенса), может быть представлено как актив или пассив, и в таком случае может иметь место залоговое преобразование.

Преобразования возможны в рамках залога в узком понимании, который имеет в своей основе переходный глагол. Согласно определению, залоговым преобразованиям подвержены все страдательные конструкции (пассив). Соответствующие им действительные члены формируют оппозицию (актив). Все остальные формы со значением действительного залога формируют действительные конструкции (обороты), которые обычно активом не называются, хотя источником действия в них есть имя — подлежащее. В таком расслоении форм действительного залога проявляется его асимметрия, или дефектность парадигмы.

Итак, страдательный залог (пассив) в русском языке может быть выражен (ср. с оппозицией неpassива):

1) атрибутивной конструкцией: *ученик, прочитавший книгу — книга, прочитанная учеником.*

Читаемый — читающий;
прочитанный — прочитавший;

2) предикативными конструкциями: *дверь открылась ветром — ветер открыл дверь.*

Строится — строит;
снабжаются — снабжают;
открылась — открыл.

Возвратный пассив (на -ся) в русском и украинском языках употребляется редко, в основном в форме 3-го лица или родовых формах ед. и мн. числа прошедшего времени;

3) предикативным залоговым противопоставлением: *он движим инстинктом — инстинкт движет им.*

Прочитан — прочитал;
движим — движет;

4) полупредикативными конструкциями: *Читая Пушкина, открываешь... — Пушкин, будучи читаем, открывает...*

Будучи читаем — читая;
будучи нарисован — нарисовав;

5) предикативным залоговым противопоставлением: *Пушкин должен быть прочитанным — Пушкина должно прочитать.*

Быть читаемым — читать;
быть прочитанным — прочитать.

Конструкции 4 и 5 теоретически возможны, но практически почти не употребительны.

Аналогичные типы залоговых противопоставлений (актив/пассив) и, следовательно, преобразований свойственны и украинскому языку с учетом возможности образования форм.

Так, в залоговых оппозициях предикативного характера 3 и 4 в украинском языке выступают не краткие, а полные формы причастий, что, впрочем, не меняет их предикативной перспективы: *Пісня складена поетом — Поет склав пісню.*

Некоторые замечания необходимы и относительно типа 4 в плане оппозиции деепричастий синтетических и аналитических.

В русском языке суффикс -учи от старой древнерусской системы не сохранился: он зафиксирован в отдельных словах, но форма *будучи* употребляется активно. В украинском языке суффикс -учи, наоборот, регулярен, а форма *будучи* употребляется редко, однако: *знаючи поета — поет, будучи знаним.*

Конструкции актива и пассива могут иметь атрибутивную и предикативную форму:

Актив: *Мальчик читает книгу.*

Мальчик, читающий книгу.

Пассив: *Книга прочитана мальчиком.*

Книга, прочитанная мальчиком.

Предикативные конструкции могут быть превращены в атрибутивные придаточные определительные. Так, устанавливаются цепи трансформации:

1) *Мальчик читает книгу* ↔ *Мальчик, читающий книгу* ↔ *Мальчик, который читает книгу.*

2) *Книга прочитана мальчиком* ↔ *Книга, прочитанная мальчиком* ↔ *Книга, которую прочитал мальчик.*

В украинском языке:

1) *Хлопчик читає книжку* ↔ *Хлопчик, що читає книжку.*

2) *Книжка прочитана хлопчиком* ↔ *Книжка, прочитана хлопчиком* ↔ *Книжка, яку прочитав хлопчик.*

Пассивные конструкции могут быть трехчленными — с указанием агенса и пациенса (см. выше), двучленными — с опущенным агенсом, и одночленными — без агенса и пациенса.

Двучленные пассивные конструкции преобразуются в русском языке в активные неопределенно-личные, а в украинском еще и в безличные с формой на *-но*, *-то*, способной сохранять при себе прямой объект, ср.:

Рус. *Дом построен — Дом построили;*

Дом строится — Дом строят;

Укр. *Книга надрукована — Книгу надрукували;*

Книга друкується — Книгу друкують;

Книгу надруковано.

В обоих языках имеются причастные предикативы, употребляющиеся в бесподлежащих предложениях. Таким образом, при них нет объекта в форме именительного падежа, что колеблет их страдательность: *Мне сообщено Петровым о начале кампании* (агенс — *Петров* в творительном падеже). Но агенс не только может опускаться, но и отсутствовать по неизвестности, превращая такую конструкцию в одночленную: *В зале накурено; натоптано; закрыто на учет* и др. Залоговые преобразования в актив возможны посредством неопределенно-личной формы: *накурили, закрыли.*

В украинском языке причастный предикат всегда требует объекта в винительном (реже дательном, родительном) падеже (то есть

конструкция двучленная), но никогда субъекта творительного: *Співано пісню. Йому пороблено*. Таким образом, данная конструкция не может быть интерпретирована как пассивная¹. Залоговое преобразование с необходимостью требует: *Пісня співана*.

Однако такие конструкции иногда рассматриваются как пассивные; соотносятся они с неопределенно-личными и безличными: *Козаченька вбито — Козаченька вбили/вбило*².

В современном украинском языке фиксируются предикативные причастия без винительного падежа, аналогичные русским: *в хаті прибрано, тихо, гарно; зроблено багато, а треба ще більше; було б сказано — а там...* То есть система залоговых соответствий актива—пассива теряет свою строгость по мере утраты приглагольных членов — агенса и пациенса.

Атрибутивные конструкции пассива в русском языке легко обращаются в атрибутивные же конструкции актива (см. выше многочисленные примеры типа: *дом, построенный рабочими — рабочие, построившие дом*). В украинском языке такая замена невозможна, ввиду несовпадения лексем по классам актива—пассива, ср.: *будинок, збудований робітниками* (требование переходности) — *робітники збудували (? !)* будинок (требование непереходности).

Особый интерес в плане организации конструкций актива—пассива представляет в обоих языках так называемый описательный пассив. Это страдательные причастия в предикативной функции, в русском языке — в краткой форме, в украинском — в полной. Ср.: *Изумруд был уже окончательно высушен, вычищен щетками и вытерт шерстяной рукавицей, когда пришел главный наездник конюшни, англичанин (А. Куприн) // Вони вже вертали з храму, тато був трохи напий* (М. Коцюбинський).

При этом заметим, что краткие формы настоящего времени в русском языке очень редки, в украинском — отсутствуют. Поэтому сосредоточим внимание на страдательном пассиве прошедшего времени — совершенного и несовершенного вида.

Если в полных атрибутивных формах выражается настоящая страдательность, то краткие страдательные формы в русском языке выражают результативность, причем и формы несовершенного вида, о чем говорилось выше; эта результативность в контексте может сохранять свой статус или видоизменять его, выступая то как статальный, то как процессуальный пассив³.

¹ Сучасна українська літературна мова: Морфологія. — С. 417.

² Безпояско О., Городенська К., Русанівський В. Зазн. праця. — С. 412.

³ Русская грамматика. — Прага, 1979. — С. 271.

В русском языке страдательные краткие причастия несовершенного вида редки, но по семантике и месту в оппозиции актива—пассива они вписываются в картину форм совершенного вида, ср.: *Эта книга читана/прочитана мною в детстве — Я читала/прочитала эту книгу в детстве*; или: *Поле не мерено, овцы не считаны, а пастух рогат (Поля не мерили, овец не считали)*.

Процессуальный пассив обозначает страдательное действие: *Окно было открыто ветром*, статальный пассив выражает состояние как результат предыдущего действия: *Окно открыто. Лепестки от вишен летят в него* (К. Симонов).

В конструкциях процессуального пассива допускается появление производителя действия (*ветром* — в нашем примере), и он, будучи по преимуществу выражен формами совершенного вида, соотносится, как правило, с прошедшим временем (*окно было открыто ветром, окно открыто ветром*) и реже с будущим (*окно будет открыто ветром*). Статальный пассив способен выражать актуальное настоящее: то есть “окно было закрыто *ветром* час назад; оно закрывалось и закрылось”, но сейчас мы наблюдаем: *окно закрыто*. Статальный пассив может быть назван также перфектным пассивом.

Причину отрыва перфектного пассива от идеи процессуальности, которая лежит в основе причастия, следует искать в совмещении значения совершенного вида (результат, завершение) и атрибутивном характере исходного полного причастия.

Позиция предиката не разрушает этих свойств статального пассива, поскольку краткие прилагательные тоже могут выполнять эту функцию, но усиливает, способствуя тем самым адъективации.

При разграничении статального и процессуального пассива следует иметь в виду, что основное значение формы есть статальный, или перфектный, пассив. Процессуальный же должен быть актуализирован контекстом. В украинском языке страдательные формы не противопоставлены по времени, широко образуются от глаголов совершенного и несовершенного вида и, будучи не скованными структурными формообразовательными ограничениями краткой формы, свободно функционируют в роли предиката.

Для формы совершенного вида, как и в русском языке, основным значением является перфектное, а процессуальность обусловливается контекстом.

Активные формы несовершенного вида, выражая одновременность, способны репрезентировать как процессуальность (легче, чем формы совершенного вида), так и результативность (см.

примеры выше со словом *мальована*). Таким образом, в украинском языке по способности выражать действие или состояние формы совершенного вида и несовершенного сходны.

Важнейшим условием актуализации процессуального значения выступает присутствие производителя действия и других приглагольных детерминантов, — напр.: *Книга набрана лінотипистом в городській типографії*; деятель может подразумеваться: *С растениями были проведены експерименти (исследователями) // Книга оформлена художником; Снаряд зірваний (мінером)*.

Процессуальность может актуализироваться связкой *было*, повторами, широким контекстом: *При написании работы были использованы материалы словаря, выбраны иллюстрації из текстов, подсчитаны частоты*.

В других случаях страдательный описательный пассив имеет перфектное значение: *Посуда вимита, поли подметены, комната проветрена — рай*.

Ср. на материале украинского языка: *Ліси вирубані, ґрунт заражений, болота осушені; Дрова були нарубані; Ще звечора поклепана коса, підмазаний віз, граблі налагоджені — батько готувався до косовиці* (значение процессуальности) — *Коса поклепана, вози підмазані, граблі налагоджені, коні доглянуті, одно слово: хазяїн* (значение статальности). В украинском языке идентификатором может выступать способность замены конструкций на *-но*, *-то*, возможная применительно к процессуальному пассиву: именительный объекта заменяется винительным объекта.

Краткий обзор залоговых преобразований показал, что ядром категории залога в русском языке является противопоставление страдательного и действительного причастий в атрибутивной форме и конструкций процессуального пассива и соответствующих ему переходных глаголов.

В украинском языке регулярным чисто залоговым противопоставлением является оппозиция страдательных причастий и личный глагольных форм.

Стилистически функционирование страдательного залога зависит от его разновидностей — атрибутивной или предикативной. Атрибутивные полупредикативные конструкции не употребляются в устной разговорной речи ни в русском, ни в украинском языке. Предикативная позиция страдательного причастия или позиция нераспространенного определения является для разговорного стиля естественной.

В языке беллетристики встречаются все виды страдательности, поэтому полагаем, что ограничением для употребления прича-

стных оборотов в устной речи является только лишь их неядерный характер в разрезе глубинного синтаксиса. Для того чтобы быть воспринятыми, они должны быть преобразованы в предикативные единицы, а в процессе порождения речи — наоборот. И то и другое требует дополнительного времени и усилий.

При чтении и письме они сокращают объем высказывания (время во власти говорящего/слушающего), поэтому атрибутивные страдательные конструкции распространены в письменной речи.

Ср. примеры употребления разного рода страдательных конструкций в художественной литературе:

Рус. Обе лошади были разделены легкой дощатой перегородкой; кобыла была выработана прекрасно по той же американской системе; Через несколько минут Изумруда, уже распряженного, приводят опять к трибуне; с Изумруда снимают попону и устанавливают его перед ящиком на трех ногах, покрытым черной материей (А. Куприн).

Укр. Син загинув у лісі, придушений деревом; Її круглі литки обпалені сонцем; Задуманий все, встромляв очі кудись поза гори; Все ще гарячий, роз'юшений злістю, він наскочив з розгону на маленьке дівча; Її очі звернені десь на полонину (М. Коцюбинський).

Особой сферой применения страдательных форм является научный стиль. Полупредикативные конструкции служат цели сжатия текста, а предикативные формальному — устранению авторского “я”. В современном научном слоге принято избегать как конструкций с “я”, так и авторского “мы”. Это достигается двумя способами — либо персонификацией понятий, либо употреблением безличных конструкций. Для этой цели используются все средства: краткие причастия в русском, формы на -но, -то в украинском языках, и что особенно важно отметить, возвратный пассив как бы призван обслужить научный стиль (с творительным субъекта: *нами прочитываются*).

Ср. в текстах: *Ряд статей сборника посвящен проблемам представления знаний; Вопросы о составлении теснейшим образом связаны между собой. Но если методы представления знаний интенсивно развивались в связи с работами в области искусственного интеллекта на протяжении последних двадцати лет, то вопросы организации знаний были поставлены только в последние годы (И. Герасимов, В. Петров) // Особливу увагу звернуто на питання, що перебувають тепер у сфері зацікавлень теоретиків-синтаксистів; У підручнику поєднано усе цінне, апробоване, яке пов'язане з вітчизняною лінгвістичною традицією, і ті безперечні здобутки, що їх внесли до мово-*

знавчої скарбниці лінгвісти інших країн; У підручнику певною мірою застосовано принцип функціонального аналізу синтаксичних явищ; Необхідність вивчення синтаксичної будови мови з позицій функціоналізму викликана й тим... (І. Вихованець); На цій підставі виділяються займенникові іменники; Службові частини кваліфікуються як аналітичні синтаксичні морфемі; До кожної частини мови подається список наукової літератури (К. Городенська).

6. ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЗАЛОГ

Действительный залог является слабым членом залоговой оппозиции, поскольку не имеет формальных показателей, кроме действительных причастий, поэтому выделяется “по остаточному принципу” — все, что осталось от страдательного, и именуется как нестрадательный залог, или неpassив.

Как было показано выше, определенная часть форм действительного залога входит в оппозицию по линии актив—пассив.

Русский язык	Украинский язык
а) переходные глаголы (<i>Мальчик читает книгу</i>);	а) переходные глаголы (<i>Хлопчик читає книжку</i>);
б) причастия, образованные от переходных глаголов (<i>Мальчик, читающий книгу</i>);	б) —
в) деепричастия (<i>читая книгу</i>);	в) деепричастия (<i>читаючи книжку</i>);
г) инфинитивы (<i>читать книгу</i>).	г) инфинитивы (<i>читати книжку</i>).

Привативные члены залоговых оппозиций в основном совпадают в русском и украинском языках:

Русский язык	Украинский язык
а) средне-возвратные глаголы (<i>Мальчик умывается</i>);	а) средне-возвратные глаголы (<i>Хлопчик усміхається</i>);
б) непереходные глаголы без -ся (<i>Мальчик сидит</i>);	б) непереходные глаголы без -ся (<i>Хлопчик лежить</i>);
в) образованные от средне-возвратных и непереходных глаголов без -ся формы причастий (<i>улыбающийся мальчик, стоящий мальчик</i>);	в) образованные от непереходных глаголов без -ся причастия (<i>лежачий хворий</i>);

г) образованные от указанных глаголов деепричастия (<i>сидя, улыбаясь</i>);	г) образованные от средне-возвратных и непереходных глаголов деепричастия (<i>усміхаючись, лежачи</i>);
д) инфинитивы (<i>умываться, сидеть</i>);	д) инфинитивы (<i>усміхатись, лежати</i>);
е) безличные глаголы (<i>светает, смеркается</i>).	е) безличные глаголы (<i>світає, смеркається</i>).

Такова полная парадигма действительного залога. В основном ее члены описаны выше. Напомним только, что в русском языке имеются особые в залоговом отношении формы — действительные причастия, образованные от возвратного пассива (*строющийся рабочими дом*), имеющие значение пассива. (В украинском языке вообще нет причастий с *-ся*). В свою очередь, в украинском языке также существуют формы, имеющие в своем составе маркеры актива и пассива — формы на *-но, -то*: с одной стороны, по образованию это страдательные причастия, с другой — они управляют винительным падежом.

Безличные глаголы по определению не могут употребляться при подлежащем: *Меня знобит; Дождит; Мне работается радостно // Світає, край неба палає; Не спалося, А ніч як море; Мрячить; Гримить! Благодатна пора наступає*. Однако, несмотря на отсутствие агенса в предложении и невозможность его подстановки, он может если не мыслиться, то чувствоваться, ибо человеку интуитивно свойственно искать причину явлений. Среди безличных глаголов имеются разошедшиеся с личными по значению, то есть “личные в безличном значении”: *в ушах зазвенело, в глазах засверкало, в голове потемнело // в очах потемніло, на серці защемило, занудило коло серця, закололо в боці*.

В безличных конструкциях может быть указан “объект” в винительном падеже: *ломает руку, крутит суставы, тянет ногу, голову клонит*, но такие сочетания довольно стойки, объект как бы “вписан” в семантику глагола.

При безличных глаголах может быть и подобный “агенси” по форме, как и полагается в страдательном обороте, в творительном падеже. Напр.: *Град побил посевы — Посевы побил градом; Дождь размыл дорогу — Дорогу размыл дождем; Снег припорошил поля — Поля припорошило снегом*. Если внимательно взглядеться в семантику творительного падежа, обнаруживается, что это не деятель, а орудие в руках мистического деятеля. Ср. в украинском: *ніколи не показувало, щоб робити поминки в хаті* (Голос України).

Именно поэтому глаголы в таких конструкциях трактуются как действительные, и они легко трансформируются в типизированную активную конструкцию: *Дождь размыл дорогу; снег припорошил поле*; — а также в пассив: *Дорога размываема дождем; Поля припорошены снегом*. Глаголы действительного залога, в отличие от глаголов страдательного, употребляются также и в 1-м, и во 2-м лице.

Причастия действительного залога в русском языке имеют полную форму. Спорадические краткие формы (*Вид пугающ; взгляд уничтожающ*) картины не меняют, поскольку адъективируются.

Основной конструкцией для русского действительного причастия является атрибутивная — с разной степенью распространения и “адъективации”. Ср., например: *Черная колеблющаяся трибуна проплывает мимо; мальчик — поддужный, припавший, стоя на коротких стременах, к лошадиной гриве; слаживается в одно плотное, быстро несущееся тело, одухотворенное одной волей, одной красотой мощных движений, одним ритмом, звучащим, как музыка; Воздух, бегущий навстречу, свистит в ушах* (А. Куприн); *Природа жаждущих степей его в день гнева породила* (А. Пушкин).

В украинском языке активные причастия употребляются редко. Формы с суффиксом -л- омонимичны глаголам прошедшего времени и отглагольным прилагательным; ср., однако: *побіліле від горя волосся*.

Все деепричастия (укр. дієприслівники) относятся к действительному залогу. Деепричастие всегда выступает в роли дополнительного сказуемого, поэтому относится к подлежащему. Отсюда невозможность употребления деепричастий в страдательном обороте: **Дом построен мэрией, заручившись поддержкой экологического центра*.

Они широко функционируют в художественной литературе, в обоих языках. Ср.: *Он шел ровной машистой рысью, почти не колеблясь спиной, вытянутой вперед и слегка привороченной к левой оглобле шеей; казалось, что рысак меряет, не торопясь, дорогу прямыми, как циркуль, передними ногами, чуть притрагиваясь концами копыт к земле; это была настоящая американская выездка., где внешняя красота форм приносится в жертву легкости, сухости, долгому дыханию и энергии бега, превращая лошадь в живую безукоризненную машину* (А. Куприн) // *В згоді вони разом згинали коліна, благаючи Бога, щоб припустив до вечері душі [потоплені]. Ніхто за них не згадає ані встаючи, ані лягаючи, ніхто не згадає дорогою йдучи, а вони, бідні душі, гірко пробувають у пеклі, чекаючи Вечора Святого* (М. Коцюбинський).

Сопоставительное изучение залоговых категорий в русском и украинском языках позволяет сделать некоторые выводы. Категория залога детерминируется восприятием действия сквозь призму субъекта и объекта. По этой причине однотипные действия в одном языке и одно и то же действие в двух языках обозначаются в разных залоговых терминах.

Категория залога вырастает на пересечении значений переходности и рефлексива, потому теория залога существует в двух вариантах: узком (актив/пассив), который принят в украинистике, и широком (с учетом рефлексива/нерефлексива), распространившимся в русистике.

Значение залоговых форм зависит также от категории вида, связано со временем, наклонением, лицом.

В обоих языках залоговая оппозиция асимметрична: она включает формы *tantum* по линии пассива и рефлексива. Системы залоговых форм в русском и украинском языках отличаются параллелизмом, хотя в отдельных пунктах (причастия, причастные предикативы) имеются расхождения. Так, в украинских причастиях прослеживается тенденция к одновременному переходно-видовому противопоставлению.

Расхождения в переходности и возвратности значительны, но не поддаются систематизации, что еще раз подчеркивает их лексическую природу.

Основные различия залоговой системы в сравниваемых языках сконцентрированы в причастиях: их формообразовании и функционировании. Если в русском языке широко функционируют в атрибутивных конструкциях и активные, и пассивные причастия, то в украинском — только пассивные; в роли предиката в русском языке частотны конструкции с кратким причастием — для украинского причастия эта функция маловыразительна; зато в украинском языке активны предикативные формы на *-но*, *-то*, тогда как причастные предикативы единичны.